

лет с восхищением носил я сии оковы, когда красота твоя в заключении возрастала, не полагался на верность моих подданных, часто сам, да, сам часто, робким взором надсматривал я тайно, в безопасности ли твоя добродетель. Уверюсь в том, надежен о тебе, отлучился и коль не оцененное мнил я приобрести сокровище по моему в Испанию возвращению; неужели мечта то будет, неужели к посрамлению моему порвешь ты мои узы и, неверная, лишишь меня сладкого плена, возвратишь мне тягостную свободу?

Ужасна будет для самой тебя сия измена! С высоты величества и славы престола, к чему ты была определена, в бездну нищеты я тебя повергну. Тяжкая неволя будет твой удел, слезы и плач — упражнение, стыд и поношение — мука чувствительной души, а что более? роптание страстного любовника!

Трепещу я сам истины! если тебя уличат, Заши, лишусь я твоих прелестей, но ты сердца моего не лишишься — я отшщу тебе как султан, но как любовник буду наказан. Хотя потом невинность твоя окажется, величество сана моего воспрепятствует мне к тебе возвратиться, султан унизится, когда любовник восторжествует.

Ласкаюсь я еще, если б не суетно я ласкался! Может, одна только твоя ветреность, одно слово вольное, один громкий смех были наказания сего виною: тигр, срегущий добродетель, чужд сокровища, им хранимого. Лишенный человечества, не внемлет он человеколюбия криков. Он, может, принял резвость за любовной восторг, примету преступления, излил на тебя всю жестокость его бесчувственности. Может, вспоминая, он что был, хотел тебе напомнить, что он не есть уже более, или, может, душа его, чужда нежным любви движениям, тайное имеет удовольствие торжествовать над предметами оных.

Всего я скорей надеюсь, нежели твоей измены. Верность всех моих рабов может мне быть подозрительною прежде, нежели я о твоей усумнюся. Но и как не так, кроме стражи, обязывающей тебя быть добродетельною, сколько других причин испорченность твою хранить тебе изготовляют: величество престола персидского, сияние диадемы, твое великодушие, благодарность против меня, моя любовь и твое благополучие! Подумай, Заши, лилась ее, чего ты лишишься. Я не лишусь больше, как твоей красоты. . . но если ты и всего на свете лишишься, больше ли моей будет твоя утрата?

(л. 94—96)

ОТ УЗБЕКА К РОКСЛАНЕ

И подражание
из Парижа 1775 августа 19

Тягостны стали мне наконец французские женщины. Их живность по тех пор меня веселила, поколе она мне беспритворною казалась; но я их лучше узнал. Шутливой нрав, веселое лицо, смех и беспрестанное движение, кое они живностию называют, суть притворные орудия, коими они мужчин к себе привлекают. Победа их над нами совершенно сей счастливой истребляет в них характер, а нас выводит о нем из заблуждения.

Когда кажется, что мы услугами и покорностью приобрели право наслаждаться их веселым обхождением, то находим задумчивость, негодование, скуку. . .

Брак в Европе есть конец взаимных любви попечений, женщина замужем не старается уже мужу своему нравиться, уповая, что закон, коим он обязан любить ее, должность сию за нее исполнит.

Какое сравнение, Рокслана! Твоя живность с живностью парижской прелестницы, в которой движения глаз, слова, даже и до чувств — все хитрость и все искусство. В тебе ж природа их внушает; склонность располагает их, а любовь их употребляет, любовь приобретает.

Когда вспомню я тот восторг, в которой красота твоя меня повергала, все любовники кажутся мне несчастливы, потому что они тебя не знают.

Вспомни, как на бархатной софе, ароматами наполненной, нашла ты меня полуспящего, стыдливость мешала тебе разбудить меня, ты на меня